

И.С. Хугаев

1. ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ

«– Здравствуйте, вы меня узнаете?»

Председатель, черноглазый большеголовый человек в синем пиджаке и таких же брюках, заправленных в сапоги на высоких скороходовских каблучках, посмотрел на посетителя довольно рассеянно и заявил, что не узнает.

– Неужели не узнаете? А между тем многие находят, что я поразительно похож на своего отца.

– Я тоже похож на своего отца, – нетерпеливо сказал председатель, – вам чего, товарищ?

– Тут все дело в том, какой отец, – грустно заметил посетитель. – Я сын лейтенанта Шмидта».

«Дети лейтенанта Шмидта» – этот великолепный социокультурный мем, введенный в гуманитарный оборот Ильфом и Петровым, – произвольно возникает в моем сознании, когда я изучаю (отчасти по долгу службы) наисовременнейшие материалы по делу аланского наследия.

Тяжба северокавказских народов по поводу этого наследия началась еще в 90-е годы прошлого века, с крушением Советской империи и дискредитацией коммунистической идеологии: малые народы России в лице своих интеллектуалов почти инстинктивно бросились во все тяжкие кладоискательства и могилокопательства, на конструирование новых форм идентичности, что не могло не привести к историческому мифотворчеству – созданию таких идеализированных образов древней истории, которые бы максимально льстили осиротевшему национальному самолюбию.

Одно время не только на Кавказе, но и по всей стране, «от Минска до Берингова пролива и от Нахичевани на Араксе до Земли Франца-Иосифа» заявляли о себе «фальшивые внуки Карла Маркса, несуществующие племянники Фридриха Энгельса, братья Луначарского и кузины Клары Цеткин», но постепенно эти самозванцы урезонились сами собой; и только пассионарные горцы Кавказа никак не договорятся о том, кому называться аланами, – и до сих пор их «рынок находится в хаотическом состоянии», а «корпорацию раздирает анархия».

При нынешних технологиях интеллектуального обмена спор аланских наследников достиг степени небывалого накала. Особенно страстно право на

АЛАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ, ИЛИ ДЕТИ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

И.С. Хугаев*

аланство оспаривается горцами в Интернете: здесь дискуссия об аланстве – это дискуссия с элементами скифского звериного стиля, потому что в ней редко увидишь человеческое, сознательное и ответственное отношение к истории.

Невежество аланских отпрысков выражается подчас так же банально и зримо, как невежество детей лейтенанта Шмидта:

«– Скажите, а вы-то сами помните восстание на броненосце "Очаков"»

– Смутно, смутно, – ответил посетитель, – В то героическое время я был еще крайне мал. Я был дитя.

– Простите, а как ваше имя?

– Николай... Николай Шмидт.

– А... по батюшке?

«Ах, как нехорошо», – подумал посетитель, который и сам не знал имени своего отца.

– Да-а, – протянул он, уклоняясь от прямого ответа, – теперь многие не знают имен героев. Угар НЭПа. Нет того энтузиазма...»

В спорах об аланском наследии – тоже сплошь уклоны от прямых ответов, базарная ругань, проклятья, клевета и ссылки на мнимые источники, существование которых, естественно, у полемистов заведомо нет времени и охоты проверять: легче крыть своими «источниками».

Это просто шабаш, который, наверное, вполне сопоставим с «конференцией» детей лейтенанта Шмидта, состоявшейся «ранней весной 1928 года в московском трактире у Сухаревской башни»; он смутил бы даже самые закаленные чувства (даже чувства Шуры Балаганова); он ввергает в апатию и уныние; не имея ничего общего с поиском истины, он отдает истинным обскурантизмом и мракобесием: действительно, «дети подобрались какие-то грубые, жадные, строптивые».

Да и в учебниках и трактатах по истории, изданных горцами в последние десятилетия, столько крайностей и противоречий, что ильфо-петровский Председатель исполкома (допустим, Академия наук), изучив какого-нибудь автора, обязательно встревожится:

«– А вдруг припадочный?.. Хлопот с ним не оберешься».

Очень возможно, что запугавшаяся и напуганная

* Хугаев Ирлан Сергеевич – д. ф. н., ведущий научный сотрудник ВНЦ РАН, Владикавказ (shmikseI@rambler.ru).

Академия пойдет, в конце концов, на компромиссы и выдаст претенденту на аланство свои последние 8 рублей и три талона на обед в кооперативной столовой, благоразумно смекнув, что чем бы дитя лейтенанта не тешилось, лишь бы не плакало и *не стреляло в люстру*. Академии что, больше всех надо? У нее и без того проблем хватает.

2. АЛАНСКИЙ БРЕНД И АЛАНСКИЙ ТРЕНД

Конечно, соискатели аланства ничего в прямом смысле не требуют и не клячат, как герои Ильфа и Петрова, – но ведь чего-то они все-таки хотят? Чего же они хотят? Или, точнее, каковы их вкусы и наклонности?

«Пока он (Председатель исполкома. – И.Х.) собирался с мыслями, чтобы задать сыну черноморского героя приличествующий случаю вопрос, посетитель присматривался к мебелировке кабинета взглядом разборчивого покупателя. (...) «А шкафчик-то типа «Гей, славяне!», – подумал посетитель, – тут много не возьмешь. Нет, это не Рио-де-Жанейро». Он предпочитал исполкомы, обставленные новой шведской мебелью Ленинградского древтреста».

За притязаниями на какое-либо сродство всегда скрывается буржуазный вкус и/или корыстный интерес. Тем более за притязаниями на аристократизм (ведь аланы были аристократы, хотя и грабители). Такова психология любого самозванства и поиска новой – брендовой – идентичности. Когда, например, в XIX веке осетинские помещики хлопотали перед русской короной о дворянском достоинстве, – они тоже хотели всего лишь узаконить свое право владения землей и ее дарами и защитить свой капитал. Их челобитные свидетельствовали об их буржуазности, а не дворянстве.

Никогда мы, горцы Кавказа, не были так далеки от аланства, как сегодня. Потому что мы буржуазны и готовы, подобно Бендеру, удовлетвориться восемью рублями и талонами на обед, что как раз эквивалентно признанию за нами права считать себя детьми хоть лейтенанта Шмидта, хоть царя Дургулея.

С другой стороны, аланство, может быть, понимается некоторыми именно как право на осуществление «экспроприации экспроприаторов» (ведь аланы были грабители, хотя и аристократы):

«– Как приятно, – говорит великий комбинатор, – работать с легальным миллионером в хорошо организованном буржуазном государстве со старинными капиталистическими традициями. (...) Он живет в особняке, где-нибудь в Рио-де-Жанейро. Идешь прямо к нему на прием и уже в передней после первых же приветствий отнимаешь деньги (...) У меня с советской властью возникли за последний год серьезные разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм. Что я – «каменщик, каменщик в фартуке белом»?..»

Горцы не хотят больше быть каменщиками; хватит с них и тех башен, что им отцы и деды понастроили; они хотят рассекать на «мерседесах» и танцевать лезгинку в белых штанах, как у тех счастливиц, что родились в Рио.

Допускаю, что и стяжание аланства само по себе – тоже «чистая случайность, каприз художника», и

невинный «золотой теленок» рано или поздно собирается, взбрыкнув, обернуться бодливым золотым тельцом. Может, неоаланы тоже хотят 500 тысяч (разумеется, старыми, остапо-бендеровскими) – и тоже не частями, а сразу, – что эквивалентно «Великой Алании от моря до моря». Уехать в Рио они, к сожалению, не все могут, но отгородиться от России желающие есть. В некоторых их декларациях безусловно присутствуют сепаратистские обертоны.

Ведь что говорят одни неоаланы другим неоаланам: «Ужо погодите: вот уйдет Россия с Кавказа, – и мы вам покажем кузькину мать; будете знать, как *нарушат конвенцию*», – и, не в силах пока привести свою угрозу в исполнение, воздыхают, подобно знаменитому турецкоподданному:

«– ...боже, боже, в какой холодной стране мы живем...»

Значительной части новых алан, именно тех, чья кровь погорячей, Россия представляется холодной страной, притом что мы уже, казалось бы, давно живем в буржуазном государстве с капиталистическими традициями.

3. АСЫ, ЯСЫ, ОСЫ, ИРОНЫ И АЛАНЫ

Что означает аланство и ажиотаж вокруг аланского наследия в отношении нас, осетин? Вопрос этот не только правомерен, но и неизбежен в виду нашего особенного положения. Можно сказать, применительно к ильфо-петровской литературной ассоциации, что абстрактный осетин, воюющий в соцсетях, представляет собой шмидтовского первенца, – к тому же республика, в которой он проживает, уже официально называется Аланией. Таким образом, он тоже мог бы спросить своих оппонентов:

«– Вы зачем полезли в кабинет? Разве вы не видели, что председатель не один?»

Наша аланомания чем правомерней, тем странней. Ее психологические мотивы ясны, но смысл тмен. Ибо мы, идя на поводу конъюнктуры, хотим поменять шило... на шило.

Допустим, мы станем официально аланами: а как же асы и ясы? Не жалко? Ведь «ос»/«осетин» – это и «ас» и «яс», а ясы – те же аланы славянских источников. Да и «ирон» и «алан» – по мнению ряда авторитетных ученых (вовсе не «осетинцев»), слова одного корня, – только разной судьбы и разных эпох, – именно подобно народам, которые этими словами обозначаются.

Имя народа крепко связано с образом его жизни, деяний и исторической судьбы. Эллыны, римляне, готы, гунны, викинги и кипчаки, совершив свои славные подвиги, ушли в иные пределы: может быть, отпустим и алан, мир их благородному праху?..

Все, что сказано об аланомании выше, относится и к нам: в желании называться аланами есть либеральное (именно недопустимо свободное, легкомысленное, безразличное) отношение не только к объективной исторической реальности, но и к ближайшим предкам. Как же так? – наши отцы и деды считали себя и назывались осетинами, – а мы вдруг аланами сделаемся? Хорошо ли это – вместо почтения к отцам и дедам воскурить фимиам отдаленному и едва ли не абстрактно-

му пращур? И давайте не обольщаться на тот счет, что наши живые еще старики сами не знали, что они аланы, и будут нам только благодарны за то, что открыли им глаза. Кто мы такие, чтобы открывать им глаза?..

Бега Кочиев и Чермен Тулатов, Афанасий Гассиев и Коста Хетагуров, Сосо Нартиков и Доменти Хугаев, Хаджи-Умар Мамсуров и Исса Плиев, Юрий Кучиев и Бало Тхапсаев – все были осетины. Мне и осетином трудно дается быть. Вернейший способ угодить дальним предкам – быть достойным сыном своего отца.

Отцом Хуга был Гулар. Гулар, вероятно, тоже был достойным человеком, а Хуга был достойный Гуларов сын. Стало быть, потомство Хуга тоже Гуларово потомство, – но значит ли это, что все Хугаевы должны записаться Гуларовыми? Что за праздная идея! – тем более, что у осетин есть уже фамилия Гуларовых, – и они происходят от другого Гулара. Но объективно дело в том, что с Хуга началась качественно новая эпоха в истории рода, новое родовое летоисчисление – и менять родовое имя значит, помимо прочего, нанести ущерб фамильной карме. Может быть, Остап Сулейман Берта Мария Бендер-бей (он же Бендер Задунайский, он же Остап Ибрагимович) оттого и потерпел фиаско, что назвался, без благословения настоящего отца, Шмидтом.

Нет, я не стану утверждать, что осетины – настоящие аланы, а все остальные нарушили *Сухаревскую конвенцию* (или консенсус, существовавший в период исторического материализма). Осетинская аланания только кажется «почвенническим», патриотическим, консервативным настроением, а на проверку это феномен либеральный и если уже не сепаратистский, то явно космополитический.

Аланы – конечно, бренд, и быть аланами льстит нашему тщеславию; но мне кажется, что настало время провести ребрендинг – прославить имя осетин, чтобы оно было не менее славным, чем имя алан. К тому же начало делу положено: не только наши три пирога и вольная борьба с армрестлингом всем известны, но и наши герои Великой Отечественной, наши генералы, наши художники, музыканты, писатели и ученые.

Осетинам говорят: «Какие вы аланы? Все аланы, кроме вас». Что ж? – останемся осетинами. Тогда – будьте уверены – найдутся позже и те, кто захочет назваться осетином. Сегодня нам приличествует мужество не ввязываться в звериные дискуссии, в которых истина не только не рождается (она до нас еще родилась), но умирает в конвульсиях. Иронам не хватает иронии! Ах, как это было бы красиво, если бы наша молодежь научилась не отвечать на провокации, не соревноваться в сквернословии. И не из аланского высокомерия, а из осетинского благоразумия, сдержанности и скромности.

Герой одного из рассказов Коста Хетагурова, которого тоже зовут Коста, путешествуя по России по железной дороге, никогда не спешил, по прибытии на какую-либо станцию, выйти из душного вагона первым: ему, горцу-осетину, претило, притом что он «любил весь мир, бесспорно», смешиваться с толпой, он не хотел толкаться, чтобы быть первым. Он смиренно дожидался в стороне, пока выйдут, бранятся и работая локтями, другие, – и только когда проход был

свободен, сходил на перрон – спокойно, как князь. Вот у кого надо учиться.

Надо быть первым не по счету, а по существу.

4. СПАСИТЕЛЬНАЯ КОМБИНАЦИЯ

«...– Здоров, председатель! – гаркнул новопривыкший, протягивая лопатообразную ладонь. – Будем знакомы! Сын лейтенанта Шмидта.

– Кто? – спросил глава города, тараща глаза.

– Сын великого, незабвенного героя лейтенанта Шмидта! – повторил пришелец.

– А вот же товарищ сидит – сын товарища Шмидта. Николай Шмидт.

И председатель в полном расстройстве указал на первого посетителя, лицо которого внезапно приобрело сонное выражение. (...) наступило... щекотливое мгновение. (...) Судьба давала только одну секунду времени для создания спасительной комбинации...

– Вася! – закричал первый сын лейтенанта Шмидта, вскакивая. – Родной братик! Узнаешь брата Колю?

И первый сын заключил второго сына в объятия.

– Узнаю! – воскликнул прозревший Вася. – Узнаю брата Колю!..»

Все мы, горцы, оказались в несколько двусмысленном положении, как тридцать сыновей лейтенанта Шмидта. И история тоже дает нам – по своим историческим меркам – не более одной секунды для создания спасительной комбинации.

В последнее время все чаще раздаются голоса, утверждающие, что Алания может и должна быть объединительным фактором, а не «яблоком раздора». Предложение идеалистическое, – но мне оно нравится. Лично я готов (хотя кто меня спрашивает!) признать аланами всех, кто умеет держать себя, как Коста Хетагуров, Чах Ахриев и Кязим Мечиев. Повстречайся эти трое – как вы думаете, не было ли бы это абсолютно аристократическое собрание, полное такта, взаимного уважения и приязни?..

Это все наши комплексы (не только комплексы неполноценности, но и не менее уродливые комплексы превосходства) заставляют нас спорить и браниться. Что за проклятье нас постигло, что мы, каждый отставив свое исключительное аланство, составляем не в благородстве, а в низости, как будто доказательством аланского происхождения может служить только изощренный мат? Мы меряемся достоинством в самом вульгарном смысле этого слова.

Представьте себе, что брат Коля и брат Вася стали бы орать в кабинете председателя исполкома: нет, я сын! – нет, я! Оба пропали бы.

Нам не нужно ничего доказывать ни друг другу, ни председателю исполкома. На Северном Кавказе нет «простых», малодушных народов, коль скоро они до сих пор живут и процветают: все крутые, все закалены не только внешней борьбой с часто неудобными соседями, но и самой жесткой на земле внутренней конкуренцией в условиях самых высоких требований чести и мужества.

Кто потирает руки и злорадствует по поводу наших тяжб, кому выгодны наши распри? – разве что бендэровцам и бэндэровцам: они стоят друг друга.